
ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич

доктор исторических наук, профессор, президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета
г. Грозный, Россия

Shakhrudin A. GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
President, Academy of Science of the Chechen Republic,
Head, Department of Modern and Contemporary History,
Chechen State University, Grozny, Russia
gapurov2011@gmail.ru

МАГОМАЕВ Ваха Хасаханович

доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории народов Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, профессор кафедры истории России Чеченского государственного университета, г. Грозный, Россия

Vakha Kh. MAGOMAEV

Dr. Sci. (National History),
Head, Department of History of the Ethnic of the Caucasus,
Academy of Science of the Chechen Republic, Prof.,
Department of History of Russia, Chechen State University, Grozny, Russia
vakha_53@list.ru

Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого

Л. Н. Толстой – совесть и честь русского народа – был непосредственным участником русско-горской трагедии XIX в., вошедшей в историю как Кавказская война. Величайший художник слова, глубоко совестливый человек сострадал горю вовлеченных в неё народов, стремился философски осмыслить причины их бед.

Ключевые слова: Толстой, Кавказская война, горцы, казаки, Хаджи-Мурат, Шамиль.

Caucasian War in Leo Tolstoy's Creativity

Leo Tolstoy - the conscience and honor of the Russian people - was a direct participant in Russian-Highland tragedy of the 19th century which went down in history as the Caucasian War. The greatest artist of the word, a deep conscientious person that compassionated to the grief of the nations involved in this conflict, sought to philosophically understand the causes of their disasters.

Keywords: Tolstoy, Caucasian War, mountaineers, Cossacks, Hadgy-Murat, Shamil.

Представления о Кавказе в российском обществе первой половины-середины XIX в. были довольно смутными. Это была далекая окраина, «теплая Сибирь», где вечно лилась кровь и военные действия шли, не прекращаясь, более полувека. Вряд ли можно было говорить о каких-либо симпатиях к «немирным черкесам» в российском обществе в таких условиях. Просвещенная же часть общества больше знала о Кавказе по произведениям Пушкина, Бестужева-Марлинского, Лермонтова. И у молодого Л. Н. Толстого представления о Кавказе были «бестужево-марлинскими». Одни русские офицеры и «вольноопределяющиеся» ехали на Кавказ за романтикой, за экзотикой, за чинами, весьма мало интересуясь собственно этой страной и ее жителями, их проблемами. И очень быстро теряли свой романтизм в тяжелых кавказских буднях, с их неустроенным бытом, постоянными военными стычками. В «Рубке леса», в разговоре с капитаном Розенкранцом, Л. Н. Толстой так описывает это «перерождение» «романтиков» в озлобленных, растерянных людей:

« – Для чего же вы пошли служить на Кавказ, – сказал я, – коли Кавказ вам так не нравится?

– Знаете, для чего, – отвечал он с решительной откровенностью, – по преданию. В России ведь существует престранное предание про Кавказ: будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей.

– Да, это правда, – сказал я, – большая часть из нас...

– Но что лучше всего, – перебил он меня, – что все мы, по преданию едущие на Кавказ, ужасно ошибаемся в своих расчетах, и решительно я не вижу, почему вследствие несчастной любви или расстройств дел скорее ехать служить на Кавказ, чем в Казань или в Калугу. Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными льдами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками, – все это страшное что-то, а в сущности, ничего в этом нету веселого...

– Да, – сказал я, смеясь, – мы в России совсем иначе смотрим на Кавказ, чем здесь. Это испытывали ли вы когда-нибудь? Как читать стихи на языке, который плохо знаешь: воображаешь себе гораздо лучше, чем есть?

– Кавказ обманул меня. Все то, от чего я, по преданию, поехал лечиться на Кавказ, все приехало со мною сюда, только с той разницей, что прежде все это было на большой лестнице, а теперь на маленькой, на грязненькой, на каждой ступеньке которой я нахожу миллионы маленьких тревог, гадостей, оскорблений; во-вторых, оттого, что я чувствую, как я с каждым днем морально падаю ниже и ниже...» [6, с. 144–145].

Но молодой «вольноопределяющийся» Л. Н. Толстой был из той плеяды русской интеллигенции, которая стремилась разобраться в сущности кавказских событий, относясь без изначального предубеждения к Кавказу и к самим кавказцам. Лев Николаевич прибыл на Кавказ, чтобы познать его, а не ради чинов и увеселений.

Кавказ сыграл огромную роль в русской культуре XIX–XX вв., особенно в развитии литературы. В творчестве гениальных художников слова отразились не только картины природы, пейзажи гор и степей, удивительные по своей красоте, но и образы людей, живших на древней кавказской земле, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь. В. Г. Белинский отмечал по этому поводу: «Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем их музыки, поэтической их родиной! Пушкин посвятил Кавказу одну из первых своих поэм – «Кавказского пленника», и одна из последних его поэм «Галуб» тоже посвящена Кавказу. Грибоедов создал на Кавказе свое «Горе от ума». И вот является новый талант (речь идет о М. Ю. Лермонтове. – Авт.) – и Кавказ делается его поэтической родиной, пламенно любимой им; на недоступных вершинах Кавказа, венчаных вечным снегом, находит он свой Парнас; в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках находит он свой Кастальский ключ, свою Иппокрену...». Сказанное напрямую относится и к Л. Н. Толстому. Именно на Кавказе, в станице Старогладовской, в 1852 г., он напишет свою первую повесть [3, с. 3].

Знакомство с Кавказом у Толстого начинается с гребенских казаков. История терско-гребенского казачества, этого уникально-

го явления в истории России, по-настоящему увлекла молодого офицера. Для Толстого казаки стали порождением взаимодействия и взаимовлияния двух культур – русской и кавказской. Он глубоко заинтересовался терскими казаками и стал их настоящим этнографом. Особо интересно то, что, по мнению писателя, беглые русские люди селились на чеченской земле, жили, по-соседски, с чеченцами, перенимали их традиции и обычаи. «На этой плодородной, лесистой и богатой растительностью полосе живет с незапамятных времен воинственное, красивое и богатое старовечерское русское население, называемое гребенскими казаками, – пишет Л. Н. Толстой. – Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терек, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру. ...Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими, и любовь к свободе, праздности, грабежу и войне составляет главные черты их характера. Влияние России выражается только с невыгодной стороны: стеснением в выборах, снятием колоколов и войсками, которые стоят и проходят там». А то, что Л. Н. Толстой пишет дальше, требует особого внимания, отражает философию самого писателя и особенно актуально в виду сегодняшних северокавказских реалий: «Казак, по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата. Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами. Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу. Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски» [6, с. 394].

Очень хотелось бы, чтобы казаки (кубанские, терские) и все остальные жители сегодняшнего Северного Кавказа почаще читали бы Л. Н. Толстого, чтобы не забыть историю взаимоотношений своих предков с горцами.

Подавляющая масса российской интеллигенции, офицерского корпуса, чиновничества поддерживала планы правительства относительно присоединения Кавказа к России. Тут сомневающимся практически не было. Но прогрессивная часть российского общества была против насильственных методов осуществления этого процесса, полагая, что это нужно делать через просвещение горцев, приобщения их к русской культуре, путем широкого применения экономических методов. Представители этой части русского общества считали, что горцам нужно на деле показать преимущества пребывания в составе Российского государства. Вполне понятно, что они были против кровавых реалий Кавказской войны. Л. Н. Толстой же, как известно, столкнувшись с ужасами российско-горского противостояния в первой половине XIX в., стал вообще отрицать убийства, войну как способ решения каких-либо проблем. Глядя на казака Лукашку, который радуется тому, что он убил чеченца, плывшего через Терек, Толстой рассуждает в повести «Казаки»: «Что за вздор и путаница? Человек убил другого (как видим, для Л. Н. Толстого чеченец – такой же человек, как и казак, имеющий такое же право на жизнь, как и другие россияне. – Авт.), и счастлив, доволен, как будто сделал самое прекрасное дело. Неужели ничто не говорит ему, что тут нет причины для большой радости? Что счастье не в том, чтобы убивать, а в том, чтобы жертвовать собой?» [6, с. 463].

Как известно, именно на Кавказе, во время наблюдения ужасов войны, у Л. Н. Толстого зародилась идея ненасилия, превратившаяся позже в весьма стройную философскую теорию. И тут интересен тот факт, что отдельные элементы этой теории совпадали с религиозным учением шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в. Текст повести «Хаджи-Мурат» четко показывает, что Л. Н. Толстой был знаком с этим учением. Писатель описывает разговор горцев, которые

сопровождали Хаджи-Мурата во время его пребывания у русских: «Святой был не Шамиль, а Мансур, – сказал Хан-Магома. – Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили, как святые, – не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шести и ставили на дорогах. Тогда и бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь, – говорил Хан-Магома» [6, с. 594].

Некоторые исследователи отмечают, что Л. Н. Толстой не определил в своих произведениях, кто был виновником Кавказской войны и на чьей стороне – российской или горской – была правда в этой войне, кто вел справедливую борьбу. Да, действительно, у Льва Николаевича нет ни прямого осуждения царского правительства за войну против горцев, ни прямой поддержки горцев, ведших освободительную борьбу. В этих вопросах Толстой весьма осторожен в оценках. Но ведь писатель всегда считал, что права та сторона, которая страдает больше другой. Вряд ли у кого-либо могут быть сомнения о том, что в Кавказской войне наиболее страдающей стороной, понесшей большие потери, была горская. Потери мирного населения у горцев были огромными: от голода, болезней, от необходимости постоянно укрываться в лесах, особенно в зимнее время.

Правда, в «Хаджи-Мурате» у Толстого есть очень резкий отрывок о действиях российских солдат в уничтоженном горском селении. В этом отрывке Толстой совершенно четко и недвусмысленно расставляет акценты: его симпатии на стороне горцев. Он сочувствует им и осуждает царских солдат за жестокость. Такого резкого осуждения методов политики Российского правительства на Кавказе нет в ранних «кавказских» произведениях Толстого – «Рубка леса», «Казачи», «Набег». Повесть «Хаджи Мурат» написана уже «поздним» Толстым, в последнее десятилетие его жизни, уже в начале XX века, когда писатель уже весьма критически относился в целом к политике правительства. И это сказало на его суждениях о Кавказской войне.

Да, Л. Н. Толстой поддерживал политику присоединения Кавказа к России. Но не насильственными методами. В «Хаджи-Мурате» он показывает, что именно жестокость российских войск толкала горцев на вооруженное сопротивление российской власти. Толстой пишет, что после вышеописанного разгрома чеченского аула «перед жителями стоял выбор: оставаться на местах и восстановить со страшными усилиями все с такими трудами заведенное и так легко и бессмысленно уничтоженное, ожидая всякую минуту повторения того же, или ... покориться русским.

Старики помолились и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи (это означало присоединение жителей аула к вооруженной борьбе горцев под руководством имама Шамиля. – Авт.), и тотчас же принялись за восстановление нарушенного» [6, с. 623].

Л. Н. Толстой в «Хаджи-Мурате» выступает как исследователь Кавказской войны. Он показывает, что к началу 50-х годов XIX в. чеченское население безмерно устало от бесконечной войны и искало пути примирения с российской властью. Другой вопрос, что эта власть не особенно шла навстречу подобным стремлениям горцев, требуя безусловной покорности. «...Много аулов чеченских сожжены и разорены, и переменчивый, легкомысленный народ, чеченцы (Толстой передает размышления Шамиля. – Авт.) колеблются, и некоторые уже готовы перейти к русским...» [6, с. 629].

Действительно, к началу 1850-х годов определенная часть чеченского населения, поставленная в чрезвычайно тяжелое положение и уже мало верившая в победу Шамиля, начала склоняться к прекращению сопротивления и признанию российской власти. Их «главнейшие старшины» начали вступать в переговоры с командующим Левым флангом Кавказской линии генералом А. И. Барятинским об условиях принятия российского подданства. Шамиль не мог допустить развития этой тенденции: она была чрезвычайно опасна для имамата. В марте имам созвал совещание чеченских старшин. «Хитрый дипломат» сумел их убедить в необходимости и возможности продолжения борьбы с Россией (да и кто посмел бы открыто возражать имаму: это

было небезопасно для жизни). Было принято решение переселиться в горы. По приказу Шамиля по Джалке, Сунже и Гудермесу были расставлены сильные караулы, чтобы не допустить переселения чеченцев на подконтрольные российским властям земли (выходит, желающих переселиться было немало). Одновременно шамилевские отряды были отправлены в чеченские селения для переселения их жителей в горы. «...Сопротивляющихся приказано было предавать смерти». «Цветущая многочисленным населением и богатая произведениями природы плоскость Большой Чечни обратилась в пустыню и все пространство от большой русской дороги до Аргуна и Сунжи, по объявлению самого Шамиля, добровольно предоставлено нашей власти» [2, с. 404]. Подобные действия усиливали недовольство чеченцев властью Шамиля. Они могли в какой-то мере оттянуть во времени гибель Имамата, но предотвратить ее уже не могли. В целом же они лишь увеличивали страдания и жертвы чеченского населения.

Казалось бы, Крымская война, отвлекшая военные силы и внимание Петербурга с Кавказского фронта, должна была способствовать восстановлению и даже усилению позиций Шамиля на Северо-Восточном Кавказе. Однако этого не произошло. Чечня и Дагестан, предельно истощенные и ослабленные многолетней войной, уже не были способны на новый всплеск военной активности. Н. И. Покровский подчеркивал по этому поводу: «Ни Крымская война, ни смелые шамилевские вторжения в Грузию, ни, наконец, предприятия имама в самой Чечне не могли спасти последнюю (имамат. – Авт.) от медленно, но верно приближавшегося падения ее обороноспособности. Для имамата это было печальным предзнаменованием» [4, с. 467]. Р. А. Фадеев в свое время также отмечал: «... Решимость обществ, над которыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно в Чечне, менее фанатической, чем другие племена» [7, с. 75]. Внутри имамата уже действовали центробежные силы, разрушавшие его. Политика верхушечных слоев чеченского общества все сильнее порывала с демократией сороковых годов XIX в.; все ярче выступало на первый план своекорыстие, стремление усилить

эксплуатацию, восстановить феодальные отношения [6, с. 451]. Недовольство у чеченцев вызывали и частые сборы продовольствия для нужд имамата, постои войск Шамиля в аулах, перемещения населенных пунктов с равнины в горы по приказу имама. В это же время все сильнее становится стремление верхушки чеченского общества и окружения Шамиля к соглашению с российской властью. Виднейшие деятели Имамата в Чечне и в Дагестане (Бота Шамурзаев, Хаджи-Мурат и др.) переходили на сторону России. На их место имам назначал других, пользовавшихся его доверием, но не имевших авторитета в массах. Процесс разложения имамата нельзя было остановить ни арестами, ни снятием с наибства, ни уговорами. Вновь назначаемые наибы больше думали о собственном обогащении, чем о победе в борьбе за независимость, в которую они уже и не верили. Подобное поведение наибова ослабляло имамат не меньше, чем походы царских войск. К тому же в горском обществе все сильнее сказывалась необходимость восстановления экономических связей с Россией [4, с. 452].

Для чеченцев была непривычной жестокая военная дисциплина, царившая в имамате, излишняя регламентация личной и общественной жизни. «Чеченцы бесспорно храбрый народ в восточных горах. Походы в их землю всегда стоили нам кровавых жертв, – писал историк XIX в. – Из всех восточных горцев чеченцы больше всех сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шамиля, властвовавшего в Дагестане деспотически, сделать им тысячу уступок в образе правления, в народных повинностях, в обрядовой строгости веры...Распадение горского союза, основанного мюридизмом, всего скорее могло начаться с Чечни» [7, с. 71].

Л. Н. Толстой показывает в «Хаджи-Мурате», что Шамиль прекрасно понимал, какую опасность для его государства – имамата – представляет наметившаяся тенденция перехода равнинных чеченцев на русскую сторону – «все это было тяжело, против этого надо было принять меры» [6, с. 629]. В качестве одной из мер было и обращение Шамиля к чеченцам, которое приводит Л. Н. Толстой: «Желаю вам вечный мир с богом всемогущим. Слышу я, что русские ласкают вас и призывают к по-

корности. Не верьте им и не покоряйтесь, а терпите. Если не будете вознаграждены за это в этой жизни, то получите награду в будущей. вспомните, что было прежде, когда у вас отбирали оружие. Если бы не вразумил вас тогда, в 1840 году, бог, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов со штыками, а жены ваши ходили бы без шаровар и были бы поруганы. Судите по прошедшему о будущем. Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными. Потерпите, я с Кораном и шашкою приду к вам и поведу вас против русских. Теперь же строго повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским» [6, с. 631]. Однако никакие обращения и даже наказания со стороны Шамиля не могли остановить наметившийся процесс отхода от него уставших от войны горцев. Проявлением этого процесса был и переход Хаджи-Мурата на российскую сторону.

Хаджи-Мурат, знаменитый наиб Шамиля, имел огромный авторитет в Дагестане и в Чечне. Наибы Шамиля Ташу-Хаджи и Юсуф-Хаджи, бесосновательно снятые имамом от своих должностей, не стали вступать в конфронтацию с Шамилем, чтобы не нанести вред народно-освободительной борьбе горцев, не расколоть их ряды. Они отстранились от активного участия в делах имамата, принесли в жертву общему делу собственные идеалы и военно-политическую карьеру. Хаджи-Мурат по характеру был другой человек и он вступил в открытую борьбу с Шамилем. Хотя, объективности ради, следует отметить, что имам сам загнал этого наиба в угол. Когда Хаджи-Мурат, снятый с должности наиба, лишенный своего имущества, в поисках собственной безопасности, попытался уйти в чеченское селение Гехи, где жили родственники его жены (которые, безусловно, не дали бы его тронуть никому), Шамиль не разрешил ему и этого. Имам опасался, что Хаджи-Мурат, используя свои родственные связи, сумеет укрепиться в Чечне (где уже было немало недовольных диктатом Шамиля) и начнет борьбу против него. Хаджи-Мурат не захотел смириться. И имам решает уничтожить его. 20 ноября 1851 г. в чеченском селении Автуры Шамиль проводит собрание ученых-богословов. «По всей вероятности, для проведения съезда не случайно было выбрано

чеченское село. Решать вопрос о судьбе известного дагестанца лучше и безопаснее было в окружении чеченцев. Любая попытка оправдать Хаджи-Мурада здесь была бы пресечена беспрекословно, в то время как в Дагестане Шамиль не мог бы рассчитывать на единодушные в решении данного вопроса» [1, с. 208].

Имам обвинил непокорного наиба в пособничестве русским и в попытке захвата власти в Имамате (говоря современным языком – в попытке государственного переворота). Делегаты собрания, с которыми, безусловно, была проведена соответствующая «предварительная работа», вынесли (по настоянию Шамиля) Хаджи-Мурату смертный приговор [5, л. 1]. То есть имам буквально вынудил Хаджи-Мурата искать спасения на российской стороне. 25 ноября 1851 года этот наиб, один из наиболее авторитетных в горской среде, переходит на сторону российского командования. Раскол в лагере Шамиля углубляется все больше и больше.

В повести же «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстой приводит заседание Совета Шамиля по обсуждению вопроса о действиях против Хаджи-Мурата после его перехода к русским: «Дело это было очень важное для Шамиля. Хотя он и не хотел признаваться в этом, он знал, что, будь с ним Хаджи-Мурат со своей ловкостью, смелостью и храбростью, не случилось бы того, что случилось теперь в Чечне (речь идет об очередном поражении Шамиля от российских войск. – Авт.). Помириться с Хаджи-Муратом и опять пользоваться его услугами было бы хорошо; если же этого нельзя было, все-таки нельзя было допустить того, чтобы он помогал русским. И потому, во всяком случае, надо было вызвать его и, вызвав, убить его. Средство к этому было или то, чтобы подослать в Тифлис такого человека, который бы убил его там, или вызвать сюда и здесь покончить с ним. Средство для этого было одно – его семья, и главное – его сын, к которому, Шамиль знал, что Хаджи-Мурат имел страстную любовь. И потому надо было действовать через сына» [6, с. 631].

Как известно, Хаджи-Мурат не поддастся на эту уловку Шамиля и попытается бежать из русского лагеря, надеясь спасти свою семью. Во время попытки бегства он будет убит. Его

отрубленную голову привезут в русский лагерь. Л. Н. Толстой устами своей героини Марьи Дмитриевны назвал убийц Хаджи-Мурата «живорезами».

«– Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, – сказала она, вставая.

– То же со всеми может быть, – сказал Бутлер, не зная, что говорить. – На то война.

– Война! – вскрикнула Марья Дмитриевна. – Какая война? Живорезы, вот и все. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят. Живорезы, право, – повторила она...» [6, с. 653].

В повести Л. Н. Толстого Хаджи-Мурат – это человек с удивительной жизнестойкостью, наделенный всеми свойствами национального борца с насилием. При этом писатель говорит и об отрицательных качествах Хаджи-Мурата. Ведя борьбу с русскими, он показал себя как человек, обладающий непомерным честолюбием, жадной кровной мести, даже и унижительной корыстью. Но, по мне-

нию Толстого, не это было в нем главное. Толстого, этого художника-жизнелюба, интересует совсем другое в Хаджи-Мурате – отвага и непреклонность, инициатива и находчивость, негибкая воля и гордое чувство собственного достоинства. Его характеризуют и такие привлекательные черты, как непосредственность, переходящая в детскую наивность, как любовь к семье, привязанность к людям, доброжелательность и доверчивость.

Главная нота, звучащая на протяжении всей повести, от первой ее строки до последней, – это жизнелюбие, воспевание красоты и мощи жизни, любование непокорным, гордым и свободолюбивым человеком [6, с. 680].

Таким образом, Л. Н. Толстой, современник и участник Кавказской войны, в своих «кавказских» произведениях затронул ряд важных аспектов этой трагедии, выступив не только в качестве писателя, но и как этнограф и историк.

Использованная литература:

1. Вачагаев М. М. Чечня в Кавказской войне XIX ст.: события и судьбы. Киев, 2003.
2. Егоров М. Действия наших войск в Чечне с конца 1852-го по 1854 год // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1895. Т. 16. С. 302–404.
3. Литература народов Северного Кавказа: учеб. пособ. / Г. М. Гогиберидзе и др. Ставрополь, 2004.
4. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 14719. Оп. 3. Д. 410.
6. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1969.
7. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003.

References:

1. Vachagaev, M. M., *Chechnya v Kavkazskoy voyne XIX stoletiya: sobytiya i sud'by* (Chechnya in the Caucasian War of the 19th Century: Events and Destiny), Kiev, 2003.
2. Egorov, M., *Deystviya nashikh voysk v Chechne s kontsa 1852-go po 1854 god* (The Actions of Our Troops in Chechnya since the End of 1852 until 1854), in *Kavkazskiy sbornik*, vol. 16, Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 1895, pp. 302–404.
3. Gogiberidze, G.M., Artemova, L.V., Eydel'nant, V.I. *Literatura narodov Severnogo Kavkaza: uchebnoye posobiye* (Literature of the People of the North Caucasus: the Tutorial), Stavropol', 2004.
4. Pokrovskiy, N. I., *Kavkazskie voyny i imamat Shamiliya* (Caucasian Wars and the Imamate of Shamil), Moscow: ROSSPEN, 2000.
5. *Russian State Military Historical Archives (RGVIA)*, Fund 14719, Inventory 3, File 410.
6. Tolstoy, L. N., *Povesti i rasskazy* (Novels and Short Stories), Leningrad: Lenizdat, 1969.
7. Fadeev, R. A., *Kavkazskaya voyna* (The Caucasian War), Moscow: Eksmo; Algoritm, 2003.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гапуров, Ш. А. Кавказская война в творчестве Л. Н. Толстого [Электронный ресурс] / Ш. А. Гапуров, В. Х. Магомаев // *Наследие веков*. – 2015. – № 2. – С. 17-23. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gapurov_Magomaev.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Gapurov, Sh. A., and Magomaev, V. Kh., *Kavkazskaya voyna v tvorchestve L. N. Tolstogo* (Caucasian War in Leo Tolstoy's Creativity), *Naslediye Vekov*, 2015, no. 2, pp. 17-23. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Gapurov_Magomaev.pdf. Accessed Month DD, YYYY.